

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

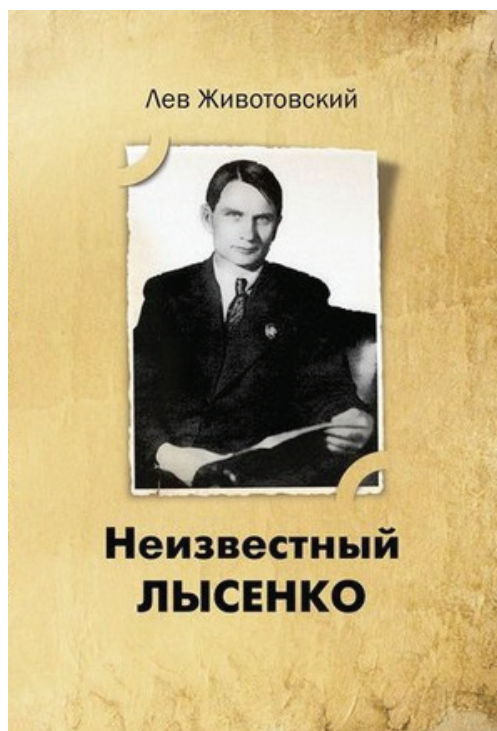
Фарс или трагедия¹

С.Е. РЕЗНИК

Вашингтон, США; s.reznik@hotmail.com

Поначалу я считал невозможным участвовать в дискуссии по книге Л. Животовского «Неизвестный Лысенко». Автор книги — доктор биологических наук, сотрудник ведущего академического института, и его книга по внешним признакам (цитаты с точными ссылками, список использованной литературы и т.п.) носит характер историко-научного исследования; тогда как я не биолог и не историк, а только писатель. Моя миссия — создавать художественные образы, а не обсуждать научные труды.

Однако эти соображения вытеснило твёрдое чувство, что я морально обязан высказаться. История науки, биографии виднейших биологов — составная часть моих литературных интересов более пятидесяти лет. Моя первая книга (1968 г., серия «Жизнь замечательных людей») — биография академика Николая Ивановича Вавилова. В ходе работы над ней я вынужден был погрузиться в конфликт между Вавиловым и Лысенко, исследовать его социальные, идеологические и психологические корни, роковую роль этого конфликта в судьбе Вавилова и всей советской генетики. С тех пор я не раз возвращался к вавиловско-лысенковской теме, сейчас работаю

¹ Размышления над книгой Л. Животовского «Неизвестный Лысенко» (М.: КМК, 2014. 120 с.). История их передачи автором в журнал описана в этом же номере (Ермолаев, 2016).

над обновлённой биографией Н.И. Вавилова и снова вынужден уделять много внимания Трофиму Лысенко. Хотя я никогда не претендовал и не претендую на какой-либо вклад в науку, я думаю, что ориентируюсь в данном материале не хуже профессиональных биологов и профессиональных историков.

Обсуждение книги «Неизвестный Лысенко» было запланировано Московским обществом испытателей природы на 25 ноября — день рождения Н.И. Вавилова. Случайное это совпадение или намеренное — оно символично².

Название книги «Неизвестный Лысенко» ни в коей мере не соответствует её содержанию, ибо ничего ранее *неизвестного* о Т.Д. Лысенко в ней нет. Это поверхностная компиляция широко доступных фактов и цитат, подобранных селективно и крайне тенденциозно.

Направленная селекция — могучий инструмент для выведения продуктивных сортов культурных растений и домашних животных, но исторической науке она противопоказана. Ещё на заре советской власти в России произошло массированное вторжение селекции в историческую науку. Ведущим историком в СССР считался Михаил Николаевич Покровский — основатель школы историков-марксистов. Ему принадлежала крылатая формула: «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Этой формулой и руководствовалась марксистская историческая псевдонаука на протяжении всех десятилетий советской власти; она же остаётся руководящей для многих «историков» в нынешней России. Есть такие «историки» и на Западе, но здесь они не доминируют.

Опрокидывая в прошлое текущие политические и идеологические установки, царскую Россию изображали отсталой, феодальной «тюрьмой народов», а когда установки переменились, *тюрьма* превратилась в *семью* свободных и равных народов, добровольно объединившихся вокруг *старшего брата* — чуть более равного, чем все остальные.

Весьма характерны политико-идеологические метаморфозы при определении исторической роли евреев. Их многократно превращали из самого забитого и преследуемого племени в угнетателя и спаивателя бесхитростных россиян; из героев Гражданской и Второй мировой войны — в толпы, штурмующие Ташкент; из враждебных России и советской власти космополитов — в её главную опору; из террористов, стрелявших в вождя революции ядом кураре, — в его верных друзей и последователей. Да и сам вождь из *великого гения, рожденного русским народом*, превращался в *русофоба, инородца и почти еврея*. Характерен в этом отношении двухтомник Александра Солженицына «Двести лет вместе». На его полях мне пришлось написать третий том (Резник, 2005).

Ныне самым *русским* из всех носителей *русской идеи* снова стал Иосиф Джугашвили, а его подмастерью в биологической науке, Трофиму Лысенко, снова отводят роль корифея самой передовой науки и самой передовой сельскохозяйственной практики, а также великого патриота России. Этому не мешает его украинская фамилия, как Джугашвили-Сталину не мешает грузинская. (На фоне нынешней демонизации Украины и всего украинского возвеличивание Лысенко как патриота России — это феномен, заслуживающий особого исследования.)

Такие метаморфозы происходили и происходят во всех сферах советской и постсоветской исторической «науки». Книга Л. Животовского «Неизвестный Лысенко» в этом смысле весьма репрезентативна.

² Обсуждение должно было состояться в МГУ, но в последний момент оно было отменено по не зависящей от организаторов причине. В декабре обсуждение состоялось на учёном совете Института океанологии РАН. В своем выступлении д. б. н. С.А. Боринская (Институт общей генетики РАН) познакомила присутствовавших с моим отзывом, выражая ей глубокую благодарность.

Автор забывает, что история — наука точная. Не менее точная, чем математика, физика или молекулярная генетика. Что было — то было, тут ни убавить, ни прибавить, по словам поэта. Переделка прошлого по прямому или косвенному заказу властвующей идеологии — это материализация мрачной утопии Оруэлла.

Сказанное не означает, что сложившиеся представления о деятелях прошлого навеки незыблемы. Пересмотр возможен и необходим, когда обнаруживаются новые факты и документы, конфликтующие со сложившимися представлениями. В биографии Лысенко немало тёмных пятен, их прояснение, возможно, потребовало бы уточнить некоторые оценки.

К примеру, из какой семьи происходил Трофим Денисович? Сам он позиционировал себя сыном крестьянина. Но, согласно марксистской доктрине, для всех тогда обязательной, крестьянство делилось на классы эксплуататоров (кулаков) и эксплуатируемых (бедняков), между коими стелилась неудобная для классового сознания прослойка середняков. Кем же был отец Трофима Лысенко? Наверняка не бедняком, а то газеты трубили бы о сыне крестьянина-бедняка. Судя по тому, что земельный надел Дениса Лысенко вырос с двух гектаров до четырнадцати, вести дела он умел и без наёмного труда вряд ли мог обходиться. Если так, то каким образом ему удалось избежать репрессий, обрушившихся в годы коллективизации на «кровопийцев-кулаков», а его сыну — поддерживать имидж «народного» и «колхозного» учёного? Насколько я знаю, местные архивы на этот предмет никто не исследовал, и г-н Животовский этим себя не утруждал. Денис Лысенко в книге лишь бегло упомянут. Даже о судьбоносном для Трофима опыте с посевом озимой пшеницы весной, произведённом Денисом Лысенко в своём хозяйстве в судьбоносном для них обоих 1929 г., в книге не упомянуто. А ведь вне этого события *колхозный учёный* не мог бы состояться.

Другой пример — средняя школа садоводства в Умани, где Трофим Лысенко учился с 1917 по 1920 г. У кого учился, чему учился, учился ли вообще? Это сплошное белое пятно в его биографии, или, если хотите, чёрная дыра. То были годы войны — Мировой, потом Гражданской, а Трофиму Лысенко было от 19 до 22 лет. Умань захватывали то красные, то белые, то различные банды. Всем требовались пополнения. Мужчины, способные носить оружие, подлежали мобилизации — добровольной, либо принудительной, либо добровольно-принудительной (гениальное, кстати, изобретение большевистских идеологов). Как Трофиму Лысенко удавалось многократно этого избегать? Или не всегда удавалось? Если так, то в чьих войсках и как долго он служил? (Наверняка не в Красной армии — иначе его сделали бы героем Гражданской войны.) Всего этого мы не знаем. Казалось бы, столько возможностей для исследователя НЕИЗВЕСТНОГО Лысенко! Но в книге Животовского обо всём этом — ни полслова.

Кто был учителем Лысенко?

О Н.И. Вавилове мы знаем, кто были его учителя, чем он был обязан каждому из них. А о Лысенко? Своим учителем он называл И.В. Мичурина. Однажды он приезжал к Мичурину в Козлов, но, по одним сведениям, после короткого разговора чем-то рассерженный Мичурин палкой выгнал его из своего кабинета, а по другим — Мичурин заперся и отказался его принимать, так что Трофиму Денисовичу пришлось уехать, не повидав «учителя». Интересно было бы проверить эти сведения по архивам Мичурина и Мичуринска. Однако автор книги о «неизвестном» Лысенко этим тоже себя не утруждал.

В книге читаем:

Что касается особенностей влияния на растение светового режима, то эту сторону стадийного развития (фотопериодизм у растений) детально исследовал коллега Т.Д. Лысенко по Гандже Н.А. Максимов (Животовский, 2014, с. 17).

Так Т.Д. Лысенко открыл первый, ключевой в жизни растения этап развития, названный им *стадией яровизации* (там же).

Вот это, действительно, что-то новое! Но — неверное. По Животовскому, Лысенко — первооткрыватель и единственный исследователь стадии яровизации, а заодно и теории стадийного развития, тогда как «коллеге по Гандже» Н.А. Максимова отводится роль исследователя второй стадии — световой.

Но Николай Александрович Максимов никогда не был «коллегой Лысенко по Гандже». Крупнейший физиолог растений того времени, он возглавлял отдел физиологии в ВИРе. С начала 1920-х гг. Максимов ставил эксперименты по *холодному проращиванию* растений, исследуя вслед за Г. Гаснером воздействие низких температур на их рост и развитие. В ходе исследований было выявлено и задокументировано, что на ранней стадии развития некоторых видов и сортов воздействие холодом ускоряет их развитие.

Лысенко пришёл к аналогичным результатам позднее, хотя и вполне самостоятельно, ибо опубликованных работ Максимова не читал и лично с ним не был знаком. *Новое слово* Лысенко в значительной мере сводилось именно к *слову*, к простому и понятному термину — *яровизация*. Термин сразу попал в газеты, овладел массами, стал (по Марксу) материальной силой. *Яровизация*, а не какое-то *холодное проращивание!* Но суть была та же. Максимов отмечал совпадение результатов Лысенко со своими собственными и, не без оснований, оспаривал у него приоритет. В марте 1933 г. Максимов был арестован, сослан в Саратов, где работал в Институте зернового хозяйства. Тягаться с Лысенко он больше не пытался, а, напротив, высказывал похвалы «колхозному учёному», за что был щедро вознаграждён. Репрессиям больше не подвергался. Стал директором Института физиологии им. К.А. Тимирязева, академиком, был удостоен ордена. А для автора книги о «неизвестном» Лысенко Максимов — его коллега по Гандже, исследовавший световую стадию!

Явление фотопериодизма было открыто американцами Аллардом и Гарднером, а в России его изучал большой коллектив учёных под руководством Н.И. Вавилова, организовавшего географические посева по всей стране. Эти опыты по системе Вавилова, а вовсе не лысенковская яровизация, позволили выявить сорта и культуры, которые ускоряют своё развитие при долгом световом дне и могут быть продвинуты далеко на север. Параллельно с этим Г.С. Зайцев в Средней Азии выявил формы египетского хлопчатника, которые ускоряли развитие при укороченном дне. Ему удалось вовлечь их в скрещивания и вывести сорта тонковокнистого хлопчатника, которые плодоносили в условиях Средней Азии. Это было стратегическое сырьё: оно шло на изготовление парашютов.

Ну а кто был истинным — не коллегой, а *руководителем* Лысенко в Гандже? Имя Николая Фёдоровича Деревницкого — крупного учёного, одного из пионеров применения вариационно-статистических методов в биологии — в книге не упомянуто. Между тем, именно Деревницкий поручил начинающему сотруднику опыты по возможному возделыванию бобовых культур зимой, для чего следовало выявить подходящие сорта и наилучшие сроки посева. Методику определения оптимальных сроков посева разработал Г.С. Зайцев, вавиловский «король» хлопчатника. Селекционная станция, которой руководил Зайцев,

находилась под Ташкентом, но в Гандже, у Деревницкого, его друга детства, был её опорный пункт, Зайцев туда наезжал. Так что идея производить посевы одних и тех же сортов каждые десять дней пришла Лысенко отнюдь не «сама собой», как он утверждал впоследствии. Его опыты проводились под руководством Деревницкого по методике Зайцева³.

Обо всем этом в тщательно отселектированном изложении д-ра Животовского не упомянуто.

Теорию стадийного развития Животовский объявляет великим открытием, которое научные противники Лысенко замалчивали. Это неверно. Теорию стадийного развития никто не замалчивал. Особенно активно её пропагандировал Н.И. Вавилов — по очень простой причине: он лучше самого Лысенко понимал научный смысл этой теории и её значение для селекции. Вавилов подчёркивал, что теория стадийности позволяет выводить скороспелые сорта путём скрещивания форм, имеющих короткую стадию яровизации, с формами, имеющими короткую световую стадию. Для выявления таких форм требовалось «прогнать» через яровизацию тысячи сортов мировой коллекции, что и стало проводиться в ВИРе. Вавилов пытался вовлечь в эту работу самого Лысенко. Но тщетно. Вместо этого Лысенко, поддержанный наркомом земледелия Украины А.Г. Шлихтером, затем наркомом земледелия СССР Я.А. Яковлевым, а за ними и более высокими инстанциями, стал вводить яровизацию в широкую практику в качестве технического агроприема. Под яровизированные посевы отводились тысячи, потом десятки, сотни тысяч гектаров колхозных и совхозных полей; тысячи «передовиков» мочили семена в так называемых хатах-лабораториях. Массовые опыты проводились без должного контроля, потому их научная ценность равнялась нулю. Но Лысенко слал победные реляции властям, а стекавшиеся к нему данные массовых опытов подвергал селекционной обработке, точно так же, как теперь г-н Животовский селективно обрабатывал исторический материал, дабы восславить «неизвестного Лысенко».

Практическая эффективность яровизации как агроприема была проверена профессорами Лисицыным и Константиновым. Опыты проводились в течение пяти лет (1932–1936) на 54 сортоучастках в разных регионах страны. Испытывались 35 сортов пшеницы и других зерновых культур. Как полагалось в научном опыте, яровизированные посевы сопоставлялись с контрольными. Оказалось, что в отдельные годы в отдельных районах отдельные яровизированные сорта приносят незначительную прибавку урожая (доли процента), в другие годы они дают убыль. Яровизированные посевы сильнее контрольных поражались твёрдой головнёй. Посевного материала для них требовалось в два раза больше, чтобы компенсировать потерю всхожести от перелопачивания «наклюнувшихся» семян. Вывод был ясен (Константинов, 1937, с. 12–17).

В книге Животовского об этом не упоминается, зато настойчиво проводится мысль, что Лысенко был нацелен на практику, тогда как его противники занимались теорией; он делал упор на развитие растений в конкретных условиях внешней среды, а его противники, сосредоточившись на зародышевой плазме, генах и т. п., условия среды игнорировали. Все это, мягко говоря, не имело ничего общего с реальностью. Ни один здравомыслящий биолог никогда и нигде не игнорировал и не мог игнорировать условий среды, в которой растёт и развивается живой организм. Спор шёл о том, можно ли этими условиями переделать в нужном направлении наследственную природу или нет. Доказательств в пользу такой возможности не было, Лысенко ни одного нового доказательства не дал, но требовал, чтобы в его доктрину все верили

³ Подробнее о Г.С. Зайцеве и его друге Н.Ф. Деревницком см.: Резник, 1981.

без доказательств. Несогласных третировал как врагов народа, социализма, советской власти. В этом суть биологических «дискуссий» того времени.

Лысенко занимался *расшатыванием* наследственности и *воспитанием* растений в нужном направлении, тогда как генетики и растениеводы вавилонской школы собирали и исследовали в конкретных условиях среды, на десятках опытных станций, исходный материал для выведения новых сортов. Они широко использовали гибридизацию, в том числе отдалённую, полиплоидию, инцухт для перекрестноопылителей и другие методы генетики, которые давали практические результаты.

В отчаянном письме Сталину, посланном за две недели до «окончательного» разгрома генетики на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., П.Н. Константинов перечислил имена крупнейших селекционеров классической школы (Лисицын, Шехурдин, Писарев и др.), чьими сортами было занято 90 процентов всех посевных площадей в стране (Глазко, Чешко, 2013).

Кто же больше давал практике — классические генетики, якобы увлекавшиеся чистой теорией, или нацеленные на практику лысенковцы? Ответ ясен, но селекционер Животовский об этом не упоминает.

По мнению автора книги, если Лысенко и допускал «ошибки», то именно из-за своей чрезмерной нацеленности на немедленную практическую пользу. В книге есть такое примечательное место:

Сам же Т.Д. Лысенко, желая быстрее достичь новых практических результатов, но не имея на посту Президента ВАСХНИЛ времени на кропотливые научные исследования, которые двумя десятилетиями ранее возвели его на пьедестал научного успеха, стал делать стратегические ошибки. Так, например, им были разработаны невыполнимые рекомендации по выведению сорта за 2,5 года и даны предложения о расширении посевов ветвистой пшеницы с целью увеличения производства зерна (Животовский, 2014, с. 84).

Правда здесь снова перемешана с неправдой. Никакой «разработкой рекомендаций» по выведению сортов в два с половиной года Лысенко не занимался. Он взял на себя *невыполнимое обязательство* вывести за два с половиной года сорт пшеницы, превосходящий по урожайности районированные сорта Одесской области, а затем доложил в сенсационной телеграмме, адресованной заведующему сельхозотделом ЦК партии Яковлеву, наркому земледелия Чернову и президенту ВАСХНИЛ Муралову, что *обязательство выполнено*. Так с поощрения властей Лысенко покорял пространство и время. Ведь для того, чтобы выявить, в каком районе новый сорт более эффективен, чем старый, требовалось проводить сравнительные испытания не менее *трех лет*. Так что абсурдность лысенковского обязательства с самого начала была очевидна для всех. Властям нужен был не улучшенный сорт, а победный рапорт. Партия требовала от учёных ускорить выведение сортов, учёные ничего определённого не обещали, а Лысенко пообещал и *якобы сделал!* В Кремле были довольны. Произошло это за много лет до того, как Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ.

А завалить страну зерном ветвистой пшеницы он пообещал, когда давно уже был президентом. Специалисты знали, что ветвистая пшеница бесперспективна для широкой практики. Но она понравилась Сталину, потому Трофим Денисович и взялся за ещё одно *заведомо провальное дело*. Товарищ Сталин сказал, что нет таких крепостей, которые бы не могли взять большевики. Вот беспартийный большевик и ринулся штурмовать зияющие высоты.

По мнению Животовского (Животовский, 2014, с. 26), «Т.Д. Лысенко обладал феноменальным “чувством растения”, и в этом он был сродни гениям практической селекции — Ивану Владимировичу Мичурину и Лютеру Бербанку».

Эта параллель кощунственна, ибо между двумя великими садоводами, с одной стороны, и Трофимом Лысенко, с другой, была большая разница. Две большие разницы, как говорят в Одессе. Незабываем для меня особый вкус мичуринских яблок — редкого деликатеса моего скупого на деликатесы послевоенного детства. Мичурин и Бербанк вывели по несколько сотен прекрасных сортов, неся витамины и радость жителям России, США и других стран. А Лысенко, вопреки громогласным обещаниям, не вывел ни одного сорта. Такова первая разница между ними. Вторая не менее существенна. Ни Бербанк, ни Мичурин никому не навязывали своих взглядов, не третировали несогласных как врагов народа и государственного строя своих стран, никого не доводили до тюрьмы, сумы или самоубийства.

Одним из главных козырей д-ра Животовского служат положительные высказывания о Лысенко некоторых мировых авторитетов генетики, таких как доктор Хаксли или доктор Ашби. В книге (с. 27) читаем:

Вот что сказал о Т.Д. Лысенко австралийский ученый Э. Ашби, направленный правительством Австралии в конце 1940-х для изучения организации науки в СССР: «Он крестьянин и понимает крестьян. <...> Он — лидер деревни. Что он говорит им — то претворяется в жизнь. И он олицетворяет диалектический материализм в действии; он даёт колхозам практическую философию» (Ashby, 1947).

Но вот другое, более позднее высказывание того же учёного:

Что касается положения советской генетики, то подтвердились наихудшие опасения иностранных учёных. Советских биологов, чьи взгляды были на подозрении, лишали работы. До Запада докатывалось эхо бурных собраний, на которых некоторые биологи, с подлинным героизмом, были готовы повторить в двадцатом веке бессмертные слова Галилея: «А все-таки она вертится!» (Manevich, 1990, p. iv).

Свидетелем контакта Ашби (Эшби) и Хаксли (Гексли) с Лысенко была известный генетик Раиса Львовна Берг:

Гексли спросил Лысенко: «Если нет генов, как объяснить расщепление?» «Это объяснить трудно, но можно, — сказал Лысенко. — Нужно знать мою теорию оплодотворения. Оплодотворение — это взаимное пожирание. За поглощением идет переваривание, но оно совершается не полностью. И получается отрывка. Отрывка — это и есть расщепление». Элеонора Давидовна [Маневич] перевела <...> Эти слова Гексли привел в своей книжке (ссылка). После доклада два джентльмена, два немолодых сдержанных англичанина сперва в замешательстве посмотрели друг на друга, потом вдруг обернулись друг к другу, вскинули руки на плечи друг друга и захохотали. Первый акт представления позади (Берг, 1983).

О том же эпизоде, независимо от Р.Л. Берг, рассказала и Э.Д. Маневич. Она же объяснила, почему ни Хаксли, ни Ашби не высмеяли лысенковскую *отрывку* в западной печати, а даже написали о колхозном учёном что-то неопределённо-положительное. Элеонору Маневич, для которой английский язык был таким же родным, как русский, приставили к ним в качестве переводчицы. В один прекрасный момент она

набралась храбрости и попросила Хаксли, а затем и Ашби быть осторожными при описании своих впечатлений о поездке в СССР, ибо советские генетики остаются в стране на положении заложников. Слишком резкие оценки того, что происходит в советской генетике, могут им «отпрыгнуться». Они это учли (Manevich, 1990, p. 50–52).

Что касается полемики между генетиками и лысенковцами, то, по мнению Животовского, те и другие были не в меру ожесточены друг против друга, были одинаково правы и неправы. А теперь, когда осела пыль века, следует признать, что позиции их были вовсе не противоположны, как им самим казалось, те и другие внесли позитивный вклад в науку, дополняли друг друга. Но если достижения генетиков признаются, то достижения Лысенко «замалчиваются». Эту несправедливость д-р Животовский и пытается устранить.

Мне вспоминается давняя газетная статья профессора А.Н. Студитского. В 1987 г., когда весь мир отмечал столетие Н.И. Вавилова и в некоторых публикациях недобрым словом поминался Трофим Денисович, Студитский выступил с голубиным воркованием: когда-то мы все не в меру горячились, а теперь давайте, ребята, жить дружно!

Это тот самый профессор Студитский, который после погрома на Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. настолько разгорячился, что опубликовал в самом массовом и популярном журнале «Огонёк» статью под убойным названием «Мухолобы-человеконенавистники», а художник Борис Ефимов разукрасил её серией карикатур, коим позавидовал бы сам Юлиус Штрайхер, издатель гитлеровского «Штюрмера», если бы не был казнён по приговору Нюрнбергского трибунала (Студитский, 1949). Так, с улюлюканьем добивали поверженную генетику. Около трех тысяч учёных было уволено и на годы отлучено от любимой науки; другие, спасаясь от репрессий, униженно каялись в ошибках и клятвенно обещали «исправиться». Многие были арестованы, профессор физиологии растений МГУ Д.А. Сабинин покончил с собой. Это не считая Вавилова, Карпеченко, Фляксбергера, Левитского, Мальцева и других ведущих приверженцев классической генетики, репрессированных до войны и расстрелянных или умерших в заключении. Затем последовала «Павловская сессия» двух академий, участь генетиков разделили многие физиологи, медики, учёные смежных дисциплин.

Полезно сопоставить эту расправу с тем, как *горячились* противники Лысенко после снятия Хрущёва, когда «мичуринцы» лишились односторонней поддержки тоталитарной власти. Академия наук провела расследование деятельности лысенковского экспериментального хозяйства в Горках Ленинских и пришла к выводу, что научные и хозяйственные данные там систематически подтасовывались и фальсифицировались. Материалов одного этого расследования было более чем достаточно, чтобы возбудить уголовное дело против Лысенко и некоторых его сотрудников. Никто из них не был арестован, не был лишен учёных званий, не потерял работы. Более того, партия и цензура вскоре стали ограждать Лысенко от всякой критики. Мне это довелось испытать на себе. Рукопись моей книги о Вавилове для серии ЖЗЛ при подготовке к печати «усохла» на сто страниц: изымались наиболее острые фрагменты о травле Вавилова, Кольцова и других генетиков, главным тараном против которых служил Лысенко. Когда книга была подписана в свет и сигнальные экземпляры отправлены в соответствующие инстанции, по доносу Лысенко в ЦК партии почти весь тираж был арестован. Книгу выпустили на свободу лишь после новых цензурных изъятий — с годовым опозданием (Резник, 1968, 1983).

С конца 1960-х гг. до начала перестройки имя Лысенко почти не упоминалось в советской печати — общей и специальной. Но объяснялось это не тем, что гене-

тики его «замалчивали», а тем, что в стране проводилась ползучая ресталинизация. На правду о лысенковщине был наложен запрет, восхвалять же его после всего, что о нём стало известно, никто не решался. В моих книгах, вышедших в СССР после «Николая Вавилова», но близких к вавиловской теме, даже упомянуть о художествах Трофима Денисовича было нельзя (Резник, 1976, 1981). Невозможность опубликовать правду, которая не соответствовала политическим и идеологическим установкам власти, заставила меня эмигрировать.

Теперь, на новой волне ресталинизации, Лысенко усиленно делают «предсказателем» новейших достижений малекулярной биологии и генной инженерии. Книга д-ра Животовского о якобы неизвестном Лысенко — это всплеск той же волны.

Думаю, многим памятна овечка Долли, появившаяся на свет путём клонирования, и статья профессора М. Анохина в «Литературной газете», узревшего в безобидной овечке торжество лысенкоизма (Анохин, 2009). С тех пор поток публикаций во славу Трофима Денисовича множится методом клонирования, а параллельно, по неумолимым законам жанра, вгоняется кляп в глотку инакомыслящих. В этом году мне это пришлось испытать дважды, когда я пытался противостоять лысенковщине, получившей приют в ведущих культуртрегерских изданиях России: «Литературной газете» и газете «Культура». Посланные в обе редакции контрстатьи на их страницах не появились, никакого ответа я не получил (см. Резник, 2015; Резник, Глазко, 2015).

Карл Маркс, ссылаясь на Гегеля, заметил, что история повторяется дважды: первый раз — как трагедия, а второй — как фарс. В реальной истории нередко бывает иначе. Гитлеризм поначалу был фарсом, но затем перерос в трагедию Второй мировой войны, во много раз превзошедшей по масштабу трагедию Первой мировой. Голодомор, организованный сталинским руководством в начале 1930-х гг., стал трагедией миллионов, почти столь же масштабной, как голод начала 1920-х гг. Лысенковщина, ставшая трагедией биологической науки в СССР, возрождается на наших глазах. Пока как фарс. Полагаю, что моральный долг каждого, кому небезразличны судьбы науки, сделать всё возможное, чтобы этот фарс не стал новой трагедией.

Литература

- Анохин М. Академик Лысенко и бедная овечка Долли // Литературная газета. 2009. 18–24 марта. № 11 (6215), <http://old.lgz.ru/article/8135/> (дата обращения 10.12.2015)
- Берг Р.Л. Сухой. Нью-Йорк: Chalidze Publications, 1983. 335 с.
- Глазко В.И., Чешко В.Ф. Август-48: Феномен «пролетарской» науки (научное киллерство, к истории советской генетики, к феномену распада СССР). М.: НЕФТиГАЗ, 2013. 381 с.
- Ермолаев А.И. Вавиловские чтения и Вавиловский семинар как площадка борьбы с современным неолысенкоизмом // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8. № 1. С. 148–155.
- Животовский Л. Неизвестный Лысенко. М.: КМК, 2014. 120 с.
- Константинов П.Н. Уточнить яровизацию // Селекция и семеноводство. 1937. № 4. С. 12–17.
- Резник С. Николай Вавилов, М.: Молодая гвардия. 1968. 336 с. (Сер. ЖЗЛ)
- Резник С. Раскрывшаяся тайна бытия: Эволюция и эволюционисты. М.: Знание, 1976. 160 с.
- Резник С. Завещание Гавриила Зайцева. М.: Детская литература, 1981. 128 с.
- Резник С. Дорога на эшафот. Нью-Йорк: Третья волна, 1983. 128 с.
- Резник С. Вместе или врозь? Судьба евреев в России. Заметки на полях диалогии А.И. Солженицына. 2-е изд. М.: Захаров, 2005. 704 с.

Резник С. Как сказка снова стала былью // Семь искусств. 2015. № 3–4. http://7iskusstv.com/2015/Nomer3_4/SReznik1.php (дата обращения: 10.12.2015)

Резник С., Глазко В. Зияющие высоты лысенкизма // Заметки по еврейской истории. 2015. № 8–9 (186). http://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/SReznik1.php (дата обращения: 10.12.2015)

Студитский А.Н. Мухолобы-человеконенавистники // Огонёк. 1949. № 11. С. 14–16.

Manevich E.D. *Such Were the Times: A Personal View of the Lysenko Era in the USSR*. Northampton, MA: Pittenbruach Press, 1990. 97 p.

References

Anokhin M. (2009) “Akademik Lysenko i bednaia ovechka Dolli” [Academician Lysenko and poor sheep Dolly], *Literaturnaia gazeta*, 18–24.03.2009, no. 11 (6215), <http://old.lgz.ru/article/8135/> (available 10.12.2015).

Berg R.L. (1983) *Sukhovei* [Dry hot wind], New York: Chalidze Publications.

Ermolaev A.I. Vavilovskie chteniia i Vavilovskii seminar kak ploshchadka bor’by s sovremennym neolysenkoizmom [Vavilov-esque Readings and a Vavilov Seminar as an Arena for the Struggle with Contemporary Neo-Lysenkoists], *Istoriko-biologicheskie issledovaniia*, vol. 8, no. 1, pp. 148–155.

Glazko V.I., Cheshko V.F. (2013) *Avgust-48: Fenomen «proletarskoi» nauki (nauchnoe killerstvo, k istorii sovetskoi genetiki, k fenomenu raspada SSSR)* [August-48: the phenomenon of “proletarian science” (scientific killerhood, to the history of Soviet genetics, phenomenon of the USSR collapse)], Moscow: NEFTiGAZ.

Zhivotovskii L. (2014) *Neizvestnyi Lysenko* [Unknown Lysenko], Moscow: KMK.

Konstantinov P.N. (1937) “Utochnit’ iarovizatsiiu” [To specify vernalization], *Selektsiia i semenovodstvo*, no. 4, pp. 12–17.

Reznik S. (1968) *Nikolai Vavilov*, Moscow: Molodaia gvardiia.

Reznik S. (1976) *Raskryvshaiasia taina bytiia: Evoliutsiia i evoliutsionity* [The revealed mystery of being: Evolution and evolutionary], Moscow: Znanie.

Reznik S. (1981) *Zaveshchanie Gavriila Zaitseva* [The Gavriil Zaitsev’s testament], Moscow: Detskaia literatura.

Reznik S. (1983) *Doroga na eshafot* [The road to the scaffold], New York: Tret’ia volna.

Reznik S. (2005) *Vmeste ili vroz’? Sud’ba evreev v Rossii. Zametki na poliakh dilogii A.I. Solzhenitsyna* [Together or apart? The fate of the Jews in Russia. Notes in the margin of the dilogy by A.I. Solzhenitsyn], Moscow: Zakharov.

Reznik S. (2015) “Kak skazka snova stala byl’iu” [How the tale became the true story again], *Sem’iskusstv*, no. 3–4, http://7iskusstv.com/2015/Nomer3_4/SReznik1.php (available 10.12.2015)

Reznik S., Glazko V. (2015) “Ziiaiushchie vysoty lysenkizma” [Gaping heights of lysenkoism], *Zametki po evreiskoi istorii*, no. 8–9(186), http://berkovich-zametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/SReznik1.php (available 10.12.2015)

Studitskii A.N. (1949) “Mukholiuby-chelovekonenavistniki” [Fly Lovers — Human Haters], *Ogonek*, no. 11, pp. 14–16.

Manevich E.D. (1990) *Such Were the Times: A Personal View of the Lysenko Era in the USSR*. Northampton, MA: Pittenbruach Press.